

УДК 94(470)

А. А. Сысоев

*Восточно-Сибирский институт МВД России
г. Иркутск, Российская Федерация*

ЭТНИЧЕСКИЕ ВОЛНЕНИЯ И ИХ ДЕТЕРМИНАНТЫ НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОГО ОБЩЕСТВА ДОСОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ

АННОТАЦИЯ. Специфические криминальные объединения, формировавшиеся по национальному признаку на территории Иркутской губернии, оказывали самое непосредственное воздействие на обострение социальных отношений между различными этническими группами сибирского населения. В статье рассматриваются особенности реализации уголовно-исполнительной политики самодержавия в контексте освоения восточных окраин Российской Империи. На основе ранее не публиковавшихся архивных источников реконструируются события, сопровождавшие перемещение уголовных преступников и социально неустойчивых людей с территорий Северного Кавказа в Иркутскую губернию, и их дальнейшей интеграции в сибирское общество. Работа содержит комплексный анализ причин возникновения этнической преступности в Сибири, и последствий ее проявления в крупных административных центрах края.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Криминальная активность; этнические волнения; ссыльные; профессиональная преступность; полиция; агентурные источники; население; массовые беспорядки; кавказская диаспора, нарушение общественного порядка и безопасности.

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ. Дата поступления 11 января 2018 г.; дата принятия к печати 7 июня 2018 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2018 г.

А. А. Sysoyev

*East-Siberian Institute of the MIA of Russia
Irkutsk, Russian Federation*

ETHNIC UNREST AND ITS DETERMINANTS IN TERMS OF THE IRKUTSK SOCIETY OF THE PRE-SOVIET TIME

ABSTRACT. Specific criminal associations formed along ethnic lines on the territory of the Irkutsk Province had a direct impact on aggravation of social relations between various ethnic groups of the Siberian population. The article examines the features of implementing the corrective policy of autocracy in the context of development of the Eastern outskirts of the Russian Empire. On the basis of previously unpublished archival sources, the article reconstructs the events that accompanied the movement of criminals and socially unstable people from the territories of the North Caucasus to the Irkutsk Province and their further integration into the Siberian society. It contains a comprehensive analysis of the ethnic crime causes in Siberia, and the consequences of its manifestation in major administrative centers of the region.

KEYWORDS. Criminal activities; ethnic unrest; exiles; professional crime; police; intelligence sources; population; mass riots; Caucasian Diaspora; violation of public order and security.

ARTICLE INFO. Received January 11, 2018; accepted June 7, 2018; available online June 30, 2018.

Стремительно меняющимся социальные и экономические реалии оказалось начало XX столетия в Восточной Сибири. Строительство Великого Сибирского пути привело к увеличению товарооборота, повышению темпов добычи полезных ископаемых и появлению новых промышленных центров. Среднегодовая добыча

© А. А. Сысоев, 2018

золота возросла на 127 % и в отдельные годы достигала 800 пуд. [1, с. 107]. Сформировались перспективные районы угледобычи – Забайкальский и Черемховский. Только за два года, с 1900 по 1902 г. добыча угля на Черемховских копях возросла от 4 млн 200 тыс. до 23 млн пуд. угля [2, с. 185]. Здесь происходило становление нового – капиталистического способа производства.

В ускоренном темпе развивались административные центры края. Население Иркутска к 1907 г. достигло 85 тыс. человек. Существенно увеличилась площадь города. Только на его окраинах было возведено 1200 домов, образовавших 39 новых улиц. Для обслуживания возросших потребностей городского населения в Иркутске открылось 22 винных казенных лавки, семь ресторанов первого класса, три театра, три клуба с открытыми сценами, 26 ренсковых погреба, 20 пивных лавок, 74 чаевых и квасных. Число городских извозчиков увеличилось с 900 до 1770¹.

Повышенный спрос на рынке труда, вызванный экономическим подъемом, обуславливал значительный приток переселенцев. По данным российских исследователей, с 1897 по 1914 г. население Сибири увеличилось с 6 до 10,6 млн. чел [3, с. 183].

Привлеченные обилием свободных земель, возможностью хорошего заработка на строительстве железной дороги и разработке золотых рудников, в Восточную Сибирь прибывали массы выходцев из южных областей Империи, не имевшие даже минимальной социальной базы. Как правило, у них не было ни семьи, ни постоянного места жительства. Этот фактор предопределял не только их криминальную активность, но и возникновение социального напряжения между разными этническими группами.

Наиболее противоречивые отношения к указанному времени складывались в административных центрах Иркутской губернии между представителями русскоязычного населения и выходцами с Кавказа.

Отличавшиеся тесными этническими связями, непонятными для большинства сибиряков письменностью и языком, кавказцы и их жизненный уклад в некоторых случаях вызывали неприязнь. Криминальное прошлое значительной их части только усугубляло протестные настроения.

Первые представители Кавказа появились на территории Прибайкалья уже в начале XIX столетия. Известно, что в 1823 г. осужденных по грабежу, убийству, и воровству «армян, грузинцев и прочих азиатцев» было выслано в Иркутскую губернию 155 чел. Через два года количество высылаемых увеличилось до 205 чел., достигнув к 1827 г. общего числа в 1323 чел².

Возросшие темпы перемещения горцев к восточным рубежам империи обуславливались перипетиями пенитенциарной политики самодержавия. В 1824 г. главноуправляющий Грузией, командующий Отдельным кавказским корпусом, чрезвычайный и полномочный посол в Персии генерал от инфантерии А. П. Ермолов сообщил управляющему министерством внутренних дел действительному тайному советнику В. С. Ланскому о систематических «побегах, учиненных из Сибири [Западной – авт.] сосланными туда за разные преступления из Грузии людьми, которые пробрались через Семипалатинскую крепость в Персию».

Предотвращая нежелательные последствия от появления беглых преступников в Персии, чиновники Главного управления Западной Сибири решили, что «надлежащее средство к предупреждению таковых побегов на будущее время есть

¹ Государственный архив Иркутской области (далее – ГАИО). Ф. 25. Оп. 10. Д. 114. Л. 199.

² ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 10. Л. 1.

ссылать грузинцев, армян и татар не в Тобольскую или Томскую губернии, но в Иркутскую губернию... откуда они не могут делать подобных побегов»³.

Последствия утвержденного министром внутренних дел постановления ГУЗС «О перемещении из Тобольской и Томской губернии грузин, армян и татар» превзошли самые пессимистичные прогнозы.

«С умножением присылающихся такого рода людей увеличиваются смертоубийства, грабежи, воровства, побег и переходы за границу» – докладывал генерал-губернатору Восточной Сибири тайному советнику А. С. Лавинскому Иркутский гражданский губернатор действительный статский советник И. Б. Цейдлер.

По сведениям гражданского губернатора уроженца Кавказа, «принимали Саяны за Уральский хребет и в надежде попасть в Киргизские степи и избавиться от пребывания здешнего, вступив в горы, погибали от зверей или при поимке кочующих там монголов». И. Б. Цейдлер предполагал, что беглые преступники могли «скопиться в шайку, перейти границу, сделать там разбой и даже при поимке сопротивлением и смертоубийством навлечь большие приграничные беспокойства»⁴.

Однако предостережения Иркутского губернатора о том, что «буйные и отчаянные люди могут навлечь правительству большие неприятности» и просьба «оградить здешнюю губернию от высылки по последнему распоряжению грузин, армян и татар» остались без должного внимания.

Более того, по мере продвижения русских войск на Кавказе высылке подвергались преступники уже с вновь присоединенных территорий. Так с 1868 г. ссылке в Восточную Сибирь, по распоряжению главнокомандующего Кавказской армией Великого князя генерал-адъютанта М. Н. Романова, подлежали горцы, населявшие Чечню. Таким образом, поток ссыльных «кавказских инородцев» увеличивался с каждым годом вплоть до введения некоторых ограничений в связи с выходом 10 июня 1900 г. закона «Об отмене и ограничении ссылки в Сибирь»⁵.

Впервые появившиеся на сибирских территориях в начале XIX столетия в качестве ссыльных преступников выходцы с Кавказа в сравнительно короткие сроки сумели не только обосноваться на новых территориях, но и на взаимовыгодных условиях сблизиться с властными структурами. Представляя к началу XX столетия менее 1 % от общей численности населения Иркутской губернии [4, с. 155], кавказцы, тем не менее, имели значительную долю в прибылях от торговых и игорных предприятий.

Современный исследователь З. Х. Ибрагимова приводит в своих работах высказывание уроженца Шатоя Ахмат-хан Баева сосланного в Сибирь за «кровные дела» и утверждавшего «что там ему жилось лучше: работа есть, деньги есть». По мнению автора, такое восприятие сибирской действительности горцами отчасти объяснялось тем, что «Император, по положению Кавказского комитета от 28 ноября 1863 г. разрешил ссылаемым в Сибирь на водворение уроженцам Кавказа выдавать ежегодно по 57 рублей 14/2 копейки на довольствие» [5, с. 89].

Кроме того, особое значение в жизни ссыльных кавказцев имели тесные этнические связи, дававшие определенную поддержку для членов диаспоры в суровых сибирских условиях. Благодаря деятельному участию соплеменников вновь прибывшим удавалось добиваться стремительных успехов в торговых, развлекательных и... криминальных предприятиях.

Показательной в этом отношении является история уроженца Сигнакского уезда Тифлисской губернии Николая Соломоновича Онанашвили. Сын бедного

³ ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 10. Л. 17.

⁴ Там же. Л. 24.

⁵ Собрание узаконений и распоряжений правительства. СПб., 1900. № 1509.

крестьянина, отданный подростком в пастухи, Николай Соломонович с ранних лет связал свою жизнь с криминальным ремеслом. В 1880 г. Онанашвили был осужден Тифлиским окружным судом к ссылке на поселение в Сибирь за покушение на убийство с целью грабежа. Оказавшись в Иркутске в качестве ссыльного и не имея средств к существованию, Николай Соломонович через некоторое время сумел открыть пивную, а затем и трактир.

По сведениям известного иркутского краеведа Евгения Борисовича Шободоева, «он стал тем самым земляком, к которому тянулись не знающие языка, чужие в Сибири, строители железной дороги – кавказцы. Нико Онанашвили помогал им спускать заработанные каторжным трудом деньги, и дело его процветало» [6, с. 42].

Трактир Онанашвили, расположенный на берегу Ангары, со слов уроженца Тифлисской губернии Платона Семеновича Каландаришвили, осужденного в Тифлиссе за убийство, «послужил продолжением грабительской работы Нико... посетителей напаивали, обирали и задушенных спускали в реку... таких жертв было очень много»⁶. Состояние Онанашвили быстро увеличивалось.

Во время Русско-японской войны Николай Соломонович содержал «Номера для приезжающих». «В этих номерах, – сообщали тайные осведомители, бесследно исчезло много молодых офицеров, у которых были деньги и ценные вещи». По агентурным данным Онанашвили не щадил и близких ему людей. Первую жену «забил на смерть ножкой выломанной из стола. Дочь, догадавшаяся об участи матери, была задушена отцом и спущена в Ангару».

«Если бы правительство знало хоть часть преступлений Николая Онанашвили он не миновал бы смертной казни» – утверждал Платона Каландаришвили⁷.

Между тем обширные взаимовыгодные связи с иркутским чиновничеством позволяли Онанашвили не только избегать ответственности за прошлые преступления, но и безнаказанно руководить грабительскими организациями кавказцев.

На схожих принципах устраивали свои предприятия и другие представители кавказской диаспоры. Так, крестьянин из ссыльных Тельминской волости, происходивший из дворян Зугдидского уезда Кутаисской губернии, Самсон Георгиевич Родонай 30 лет, осужденный в 1904 г. Асхабадским окружным судом по делу сбыта фальшивых монет к каторжным работам на 5 лет, содержал на Поплавской ул. пивную и чайную на барахольном базаре. По данным полицейской агентуры Самсон Георгиевич успешно совмещал коммерческие предприятия и криминальный бизнес, «являясь видным организатором мелких грабительских выступлений и вдохновителем небольших грабительских шаяк, членов которых он снабжал деньгами и оружием»⁸.

Как серьезный пристанодержатель и укрыватель грабителей грузин был известен полиции административный ссыльный крестьянин м. Хони Кутаисской губернии Владимир Захарович Головадзе. Его пивная, расположенная на Кузнецкой ул. в доме Кузнецова № 21/12, являлась притоном и местом собраний кавказцев, не имевших право на проживание в Иркутске.

Участник многочисленных грабежей ссыльный Куйтунской волости, Нижнеудинского уезда Илья Галович Битарашвили, осужденный Тифлиским окружным судом за кражу со взломом в каторжные работы, официально являлся хозяином трактира на Б. Блиновской ул., размещавшийся в доме № 80.

Находившиеся, по сведениям жандармской агентуры, «в полном курсе не только грабительских выступлений грузин, но и всех их темных дел совершавшихся

⁶ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 757. Л. 24.

⁷ Там же. Л. 120.

⁸ Там же. Л. 121.

и совершающихся в Иркутске» Исидор Махарадзе и Платон Каландарашвили содержали кухмистерскую «Заря»⁹.

Таким образом, под патронажем кавказской диаспоры в Иркутске действовала целая сеть публичных заведений, позволявшая решать помимо коммерческих целей задачи криминального характера.

Открытые хищения частного и государственного имущества, вооруженные нападения, заказные убийства и изготовление фальшивых денег явились основными видами противоправных деяний, на которых специализировались выходцы с Кавказа.

По оценке отечественного исследователя Сергея Николаевича Рубцова, «именно тесные этнические отношения послужили основой для создания крупных хорошо организованных и законспирированных грабительских организации, специализировавшихся на совершении наиболее крупных грабежей и разбойных нападений в местностях Восточной Сибири» [7, с. 53].

Поражали не только масштабы преступной деятельности кавказцев, но и уровень их проникновения во властные структуры. Об этом свидетельствовали беспрецедентные меры секретности, предпринятые офицерами Иркутского губернского жандармского управления, при разработке плана по ликвидации грабительских организаций.

Планирование и координацию действий осуществлял сам начальник управления полковник Алексей Васильевич Васильев. На местах о предстоящей операции разрешалось оповещать лишь строго ограниченный круг лиц, только начальников управлений и розыскных пунктов, но и они до последнего момента не имели информации о времени ее начала. Специально для проведения связанных с этим оперативно-розыскных мероприятий начальник губернского управления разработал «Инструкцию по ликвидации грабительских организаций». Примечательно, что в соответствии с ней даже лиц прокурорского надзора следовало информировать об обысках и арестах «отнюдь не до ликвидации, а только после».

«Имейте в виду, – предостерегал подчиненных полковник Васильев, всякая малейшая неосторожность, излишние разговоры даже с властями до окончания всей ликвидации поведут к провалу дела». К тем немногочисленным чиновникам, с которыми жандармам все-таки разрешалось входить в служебные сношения, относились только начальники тюрем и сыскных отделений» [8, с. 142].

Высокий уровень коррупционных связей предопределял полное бездействие властей по отношению к правонарушениям, совершаемым представителями кавказской диаспоры. В свою очередь вседозволенность и безнаказанность преступных действий уроженцев Кавказа порождали среди иркутских обывателей протестные настроения, находившие свое выражение в крайних формах этнической неприязни – погромах.

Первый известный случай массовых волнений среди населения Иркутска и последовавших за тем насильственных действий в отношении кавказцев был зафиксирован в 1902 г.

Днем 20 января в портерной грузина Огалова, располагавшейся на территории Глазковского предместья, был ограблен и избит солдат. Крики и жалобы потерпевшего привлекли внимание местных жителей. В течение часа около питейного заведения собралась толпа численностью 150–200 чел. Собравшиеся потребовали выдать кавказцев, нанесших побои солдату.

⁹ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 757. Л. 122.

В ответ Огалов кинул в толпу несколько бутылок с пивом. Городские обыватели, возмущенные подобным обращением, ворвались в портерную, нанесли побои присутствовавшим кавказцам и разгромили заведение¹⁰.

Спустя пять месяцев январские события повторились в еще больших масштабах. 9 июля на углу Б. Блиновской и Матрёшинской ул. около портерной кавказца Багинова приказчик Рафаил Гигоевич Эристов избил палкой русского посетителя питейного заведения.

Потерпевший поднял крик. На призывы о помощи собралось 10-15 чел. По свидетельству очевидцев, из среды собравшихся раздавались выкрики о том, что, «черкесы не дают русским жить... надо бить черкесов»¹¹.

Явившийся на место происшествия городской 3-й полицейской части Сизиков ограничился лишь тем, что сообщил начальству об инциденте. К моменту приезда помощника пристава Косякина количество недовольных граждан увеличилась до 200-300 чел.

Помощник пристава отобрал у Рафаила Гигоевича палку. Самого кавказца задерживать не стал. Это еще более возбудило обывателей, требовавших ареста черкеса.

Осужденный в 1896 г. Кутаисским окружным судом к ссылке на поселение за покушение на ограбление почты в селении Ново-Сенаки потомок грузинских князей Эристов, был известен иркутянам как активный участник всех грабительских выступлений грузин. Поэтому бездействие полиции лишь усугубило ситуацию.

Из толпы в сторону полицейских полетели камни. Помощник пристава Косякин и городской Сизиков получили ранения. Разбушевавшиеся горожане выбили окна и двери в пивной Багинова. Ворвавшись в пивную протестующие предали все находящееся там разрушению.

Через некоторое время была разгромлена вторая портерная Багинова. К приезде пристава 3-й полицейской части Малиновского численность участников беспорядков достигла 2 тыс. чел. В сторону представителей власти раздавались выкрики: «Черкесы забрали всю торговлю. Черкесы нас обижают, грабят и убивают, а полиция потворствует, беря взятки». Пристав Малиновский обещал возмущенным обывателям, что этого больше не будет и Эристова накажут.

Между тем, не смотря на уговоры и обещания, Малиновского постигла та же печальная участь, что и его коллег. В полицейского полетели камни, и беспорядки возобновились с новой силой. Были разгромлены винно-бакалейные магазины Богдасарова и Шайхарукова. В последнем во время нападения возник пожар.

Примечательно, что торговые и развлекательные заведения, принадлежавшие русским и евреям, остались нетронутыми, протестующие обходили их стороной. На место происшествия прибыли все полицейские приставы, полицмейстер и губернатор. Однако присутствие высокопоставленных чиновников не принесло ожидаемых результатов. Только к 8 ч. вечера при появлении отряда казаков удалось остановить погромы и многочисленные случаи насильственных действий в отношении кавказцев.

Подобные происшествия, сопряженные с проявлением неприязни к представителям иных этнических групп, проживавших на территории губернского центра, оказались для жителей Иркутска совершенно новым ранее не виданым социальным явлением. Очевидно, что «кавказская» проблема требовала немедленного разрешения.

¹⁰ Судебная хроника // Восточная заря. 1910. № 81. С. 2.

¹¹ Там же.

Между тем губернские власти предпочли забыть о погромах 1902 г., ведь криминальный бизнес представителей кавказской диаспоры приносил немалые дивиденды и для его хозяев и для «невнимательных» чиновников.

Последовавшие за тем события со всей очевидностью продемонстрировали, насколько опасным для населения губернской столицы может оказаться бездействие властных структур вкупе с возросшей криминальной активностью преступного мира.

Трагедия, произошедшая в декабре 1905 г. на улицах Иркутска отчасти являлась отражением общероссийского социального кризиса, отчасти имела местную подоплеку. В отличие от других районов страны решающее воздействие на жизнь города в этот период оказало противоборство не про- и антиправительственных сил, а криминального мира и общественности.

Специальным расследованием Иркутской судебной палаты от 12 ноября 1908 г., «не внушающим сомнения [было] установлено, что в ноябре и декабре месяцах 1905 г. жители г. Иркутска, в следствие усилившихся до крайних пределов грабежей, разбоев, убийств и погромов, оказались в весьма опасном положении».

«Дерзость злоумышленников не имела пределов, и от посягательств их не были свободны ни частные лица, ни лица, занимающие высокие служебное положение, ни даже целые классы населения» – констатировали в официальных документах представители власти [9, с. 89].

Наиболее опасным в Иркутске считалось Глазковское предместье. На его территории располагалось множество чаевых, кухмистерских, ресторанов и лавочек, содержащихся кавказцами. В этих заведениях производилась тайная продажа вина и процветала проституция. Местное население, на глазах у которого успешно развивался криминальный бизнес, испытывало к выходцам с Кавказа крайне негативные эмоции. Не без оснований считалось, что в питейных заведениях кавказцев обирают подвыпивших посетителей. Подозревали также, что заведения эти служат притонами убийц.

По свидетельству пристава 4-ой полицейской части Николая Арсениевича Иванова в течение лета 1905 г. в лесу за Глазковским предместьем было поднято 12 трупов со знаками насильственной смерти. Причем среди жителей ходили упорные слухи, что все эти трупы из заведений кавказцев¹².

Именно в Глазковском предместье под мостиком на М. Александровской ул. 16 декабря в 8 ч. утра местными жителями был обнаружен труп ефрейтора 4-го Заамурского железнодорожного батальона Николая Кузьменко с огнестрельной раной груди и перерезанным горлом.

Следы крови, хорошо видимые на снегу, вели к чаевой кавказца Николая Хахутова. За непродолжительное время около предполагаемого места убийства собралось значительное количество железнодорожных рабочих. Опасаясь расправы над владельцем питейного заведения, полицейские чиновники тайно вывезли Хахутова в 1-ю полицейскую часть.

Рабочие, возмущенные бездействием полиции, потребовали выдачи Хахутова. Число протестующих увеличивалось ежеминутно. Толпа разгромила чаевую и постоянный двор Хахутова. Затем погромы заведений кавказцев продолжились на Кругобайкальской и Александровской ул.

В 11 ч. 30 мин. на место погромов явился пристав Н. А. Иванов с 5-ю городскими. Полицией противостояла толпа численностью около 2,5 тыс. чел. Из домов, принадлежавших кавказцам, началась беспорядочная стрельба.

¹² ГАИО Ф. 245. Оп. 3. Д. 524. Л. 115.

В поисках поддержки полицейский пристав Иванов обратился к ротмистру Степанову, отвечавшему за охрану ст. Иркутск, с просьбой оказать содействие в пресечении беспорядков. Ротмистр, имевший в подчинении 40 солдат, ответил... отказом. Более того, по свидетельству полицейских, военные в некоторой степени даже способствовали разграблению кавказцев.

В последствие Степанов объяснял свое бездействие тем, что не имел права отправлять солдат на подавление погромов, так как его задачей являлась охрана железнодорожной станции.

Ощувив полную безнаказанность, участники беспорядков направились громить ресторан и номера «Южный Кавказ», принадлежавшие «крестному отцу» кавказской диаспоры Николаю Соломоновичу Ононашвили [10, С. 65].

Вскоре на место происшествия прибыл полицмейстер капитан А. Н. Никольский с ротой солдат. Под давлением военных толпа переместилась на другую сторону Кругобайкальской ул., где разгромила лавку турецкого подданного Харламова.

Ротмистр Степанов вспоминал по этому поводу, что активные действия полицмейстера не только не способствовали пресечению нарушений общественного порядка, но и «привели к тому, что количество хулиганов возросло до громадных размеров и погром принял такой обширный характер»¹³.

К 1 ч. дня было убито 4 кавказца. Самому полицмейстеру А. Н. Никольскому с трудом удалось избежать смерти [11, с. 243]. В Глазковское предместье стали стягиваться все имевшиеся в наличии воинские подразделения. Только к 7 ч. вечера беспорядки были прекращены при помощи военной силы.

На месте погрома были обнаружены трупы Тетеоса Караказяна, Авека Григорова, Абрама Шуразьянца, Якова Аванесова, Филиппа Бабаева, Исаака Хамразова, Манука Аракова, Исака Хамразова, Исаия Датразаия, Степана Гогонашвили. Кроме того, по сведениям современного отечественного исследователя М. В. Куделя, «в железнодорожной больнице находилось пятнадцать серьезно раненых» [12, с. 20].

На следующий день погромы заведений, принадлежавших кавказцам, возобновились с новой силой. Протестующие полностью разрушили и сожгли заведения, принадлежавшие Н. С. Ононашвили, разгромили чаевые Лоена Агапова и Мурадова, номера «Лондон», «Байкал», кухмистерские «Америка», «Железная дорога», магазины Петроса Погосова, Манука Антонова, ресторан «Ялта», лавки Абрама Петрушанца, Иваниса Аялахверды, Бабаева, Абея Абелова, пекарню Се-страка Люсцерона.

До полного окончания волнений 1905 г. жителям Иркутска предстояло пережить еще немало трагических событий. Жизнь в городе оказалась чрезвычайно опасной. Уровень личной и имущественной безопасности иркутян снизился до минимальных пределов. Обострение социальных противоречий достигло максимума. Неприязненное отношение к представителям иных этнических групп переросло в их беспощадное истребление. Локальные очаги нарушения общественного порядка, инициированные противоправными деяниями кавказцев, обратились в массовые беспорядки. Представители исполнительной власти фактически утратили способность к управлению.

Характерно, что в определенный момент протестные настроения иркутян сконцентрировались на кавказской диаспоре, криминальная деятельность отдельных представителей которой приобрела к началу XX столетия значительные масштабы и организованный характер. Решающим образом этому способствовали особен-

¹³ Судебная хроника // Восточная заря. 1910. № 81. С. 2.

ности пенитенциарной политики самодержавия, отличавшиеся от общепринятых жизненные устои представителей Кавказа, высокая степень коррумпированности местных чиновников и как следствие фактическое бездействие представителей исполнительной власти.

Социальный кризис, спровоцированный резким обострением криминогенной обстановки, диктовал иркутскому обществу особые способы разрешения поразивших его противоречий. Борьба с вызовами криминального мира требовала использование чрезвычайных методов. Неслучайно поэтому столкновение иркутян с представителями иной этнической группы – кавказцами, сопровождалось крайними формами насилия – погромами, массовым противодействием представителям легитимной власти и стремлением некогда законопослушных обывателей к внесудебной расправе.

Список использованной литературы

1. Хрестоматия по истории Иркутской области / под ред. А. П. Косых. – 2-е изд., испр. и доп. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1969. – 409 с.
2. История Сибири с древнейших времен до наших дней : в 5 т. / гл. ред. А. П. Окладников, В. И. Шунков. – Ленинград : Наука, 1968. – Т. 3 : Сибирь в эпоху капитализма. – 530 с.
3. Олех Л. Г. История Сибири : учеб. пособие / Л. Г. Олех. – Новосибирск : Сиб. соглашение, 2001. – 312 с.
4. Карих Е. В. Этническая структура экономики Иркутской губернии во второй половине XIX в. / Е. В. Карих // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 323. – С. 152–155.
5. Ибрагимова З. Х. Царское прошлое чеченцев. Политика и экономика / З. Х. Ибрагимова. – М. : Пробел, 2009. – 872 с.
6. Шабодоев Е. Б. Кавказцы в Иркутске. Начало мафии? / Е. Б. Шабодоев // Иркутская губерния. – 2001. – № 1. – С. 40–43.
7. Рубцов С. Н. Ликвидация грабительских организаций / С. Н. Рубцов // Твоя безопасность. – 2003. – № 1. – С. 50–53.
8. Рубцов С. Н. Уголовный сыск российской полиции Восточной Сибири : монография / С. Н. Рубцов. – 2-е изд., испр., доп. – Красноярск : Институт естественных и гуманитарных наук Сибирского федерального университета, 2007. – 215 с.
9. Рубцов С. Н. Иркутское общество и милиция / С. Н. Рубцов // Иркутск: события, люди, памятники : сб. статей по материалам журнала «Земля Иркутская» / сост. А. Н. Гащенко. – Иркутск : Оттиск, 2006. – С. 88–95.
10. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902-1924 года / Н. С. Романов. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. – 560 с.
11. Чернигов А. К. Иркутские повествования. 1661-1917 годы : в 2 т. / А. К. Чернигов. – Иркутск : Оттиск, 2003. – Т. I. – 431 с.
12. Куделя М. В. Сумерки «красных дней». Декабрь 1905 года в Иркутске / М. В. Куделя. – Екатеринбург : Издательские решения, 2017. – 179 с.

References

1. Kosykh A. P. (ed.). *Khrestomatiya po istorii Irkutskoi oblasti* [Chrestomathy of Irkutsk Province history]. 2nd ed. Irkutsk, East-Siberian Book Publisher, 1969. 409 p.
2. Okladnikov A. P., Shunkov V. I. (eds). *Istoriya Sibiri s drevneishikh vremen do nashikh dnei* [History of Siberia from ancient times until nowadays]. Leningrad, Nauka Publ., 1968, vol. 3. 530 p.
3. Olekh L. G. *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Novosibirsk, Sibirskoe soglashenie Publ., 2001. 312 p.
4. Karikh E. V. Ethnic structure of the Irkutsk Province economy in the second half of 21th century *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk state university journal*, 2009, no. 323, pp. 152–155. (In Russian).

5. Ibragimova Z. Kh. *Tsarskoe proshloe chechentsev. Politika i ekonomika* [Tsarist past of chechens. Policy and economy]. Moscow, Probel Publ., 2009. 872 p.

6. Shabodoev E. B. Caucasus natives in Irkutsk. The beginning of the mafia? *Irkutskaya Guberniya = Irkutsk Province*, 2001, no. 1, pp. 40–43. (In Russian).

7. Rubtsov S. N. Liquidation of brigantish organizations. *Tvoya Bezopasnost = Your Security*, 2003, no. 1, pp. 50–53. (In Russian).

8. Rubtsov S. N. *Ugolovnyi syisk rossiiskoi politzii Vostochnoi Sibiri* [Detection of criminals by the Russian police in Eastern Siberia]. 2nd ed. Krasnoyarsk, Institut estestvennykh i gumanitarnykh nauk sibirskogo federalnogo universiteta Publ., 2007. 215 p.

9. Rubtsov S. N. Irkutsk society and militia. In Garashchenko A. N. (ed.). *Irkutsk: sobytiya, lyudi, pamyatniki* [Irkutsk: events, people and monuments]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2006, pp. 88–95. (In Russian).

10. Romanov N. S. *Letopis goroda Irkutsk za 1902-1924 goda* [Chronicle of Irkutsk town in the space of 1902–1924]. Irkutsk, East-Siberian Book Publisher, 1994. 560 p.

11. Chernigov A. K. *Irkutskie povestvovaniya. 1661-1917 gody* [Accounts of events in Irkutsk. The years of 1661–1917]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2003, vol. I. 431 p.

12. Kudelya M. V. *Sumerki «krasnykh dnei». Dekabr 1905 goda v Irkutске* [Twilight of «red days». December of 1905 in Irkutsk]. Ekaterinburg, Izdatelskie resheniya Publ., 2017. 179 p.

Информация об авторе

Сысоев Алексей Александрович – кандидат исторических наук, доцент, кафедра тактико-специальной и огневой подготовки, Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110, e-mail: daosss@pochta.com.

Author

Aleksey A. Sysoev— PhD in History, Associate Professor, Chair of Tactical-Special and Fire Training, East-Siberian Institute of MIA of Russia, 110 Lermontov St, 664074, Irkutsk, e-mail: daosss@pochta.com.

Для цитирования

Сысоев А. А. Этнические волнения и их детерминанты на примере иркутского общества досоветского времени / А. А. Сысоев // Baikal Research Journal. – 2018. – Т. 9, № 2. – DOI: [10.17150/2411-6262.2017.9\(2\).16](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2017.9(2).16).

For Citation

Sysoyev A. A. Ethnic Unrest and Its Determinants in Terms of the Irkutsk Society of the Pre-Soviet Time. *Baikal Research Journal*, 2018, vol. 9, no. 2. DOI: [10.17150/2411-6262.2018.9\(2\).16](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2018.9(2).16). (In Russian).